

ВЕРНЕР ФОН ХЕЙДЕНСТАМ

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ И
ДРАКОН

Вернер фон Хейденстам
Святой Георгий и дракон

«Public Domain»

1910

фон Хейденстам В.

Святой Георгий и дракон / В. фон Хейденстам — «Public Domain», 1910

«Стен Стуре вызвал из Андорфа мастера Андреаса и заказал ему вырезать из дерева для украшения Стокгольмского собора такую великолепную статую, которой бы не было равной на всем Севере...»

Вернер фон Хейденстам

Святой Георгий и дракон

Стен Стуре вызвал из Андорфа мастера Андреаса и заказал ему вырезать из дерева для украшения Стокгольмского собора такую великолепную статую, которой бы не было равной на всем Севере.

Мастер Андреас был с виду человек властный и сильный, с доброю улыбкою и с крепким рукопожатием. Роста высокого, умеренной полноты. Волосы его, в которых уже пробивалась седина, делились от лба до макушки прямым пробором на две равные половины, как на изображениях Христа. Глаза у него были с поволокой и отличались странным свойством: взор их как бы уходил вглубь, а не смотрел на того, с кем мастер Андреас беседовал. Так, по крайней мере, казалось его друзьям, и они частенько говаривали, хлопая его по плечу: «Мастер, где витают твои мысли? Ты глядишь на нас, но не видишь нас».

Мастер Андреас много странствовал на своем веку и не раз опоясывался мечом, чтобы попытать счастье в бою, но был набожен без высокомерия и охотно посещал церковь. Многие, однако, замечали, что он никогда не преклонял колен перед изображениями святых дев и жен, а только перед святыми мужами, и носил под одеждой на шейной цепочке образок св. Георгия Победоносца.

Поселился он у Бенгта Гаке, музыканта при дворе Стуре. Бенгт всего год как женился на шестнадцатилетней девушке и зажил своим домом.

Бенгт Гаке был молод и мечтателен: пока на небе светила луна, он не в силах был лечь в постель. Лицо у него было детское, с выпяченной нижней губой; белокурые волосы ложились по плечам, а за поясом торчал маленький, словно игрушечный, кинжал. Бенгт сразу полюбил гостя, и они скоро стали такими друзьями, у которых не было тайн друг от друга.

Однажды вечером Бенгт пригласил мастера Андреаса в погребок ратуши, где они и уселись на одну из самых дальних скамей, чтобы им никто не помешал. Бенгт Гаке запустил пальцы в волосы и подпер голову ладонями.

– Ты знаешь, мастер, – начал он, – что у нас в стране междоусобицы? Многие не прочь избавиться от Стуре и вновь призвать датского короля. Вот с какой целью давно уже вербует людей Яков Ульфсон. И мне он сулит полный кубок рейнских червонцев, если я сумею переманить на его сторону остальных наших музыкантов; если ты захочешь помогать мне, поделим золото пополам.

Мастер Андреас засмеялся:

– Мало касаются меня ваши распри, но будь даже каждая ягода рейнских лоз слитком чистого золота и предложи ты мне их все, и тогда бы не сманил меня с пути чести и правды.

Лицо Бенгта Гаке прояснилось, и он весело прищелкнул пальцами:

– В том, что я сказал, не было ни тени правды, но надо же испытать нового друга.

И ты думаешь, что сердце человеческое испытывается деньгами? Будь уверен, для этого нужно мерило куда тоньше. Но крутом начинают прислушиваться, дивясь нашему перешептыванию. Поговорим о чем-нибудь другом.

– Подслушиванием у нас в городе занимается по-настоящему лишь один человек.

– Кто же?

– Столяр Гориус. Ты не знаешь столяра Гориуса?

– Нет.

– Да его, собственно, никто не знает. Мало кто даже видел его. Его никогда и нигде нельзя застать – ни дома, ни на улице; он целый день разнюхивает дела ближних и знает все, что творится.

– То есть – где пахнет деньгами?

– Напротив. О деньгах он и не думает. Он удостаивает своим бдительным вниманием любовные истории... Вот и побеседуем о любви; тогда можно говорить громко и вовлечь в беседу и других. О любви все говорят охотнее всего. Я счастлив в любви и не без сожаления оставляю свою хозяйшку Метту даже на один вечер. Любовь – это сад, окруженный столь высокими стенами, что из-за них видно лишь то, что выше земли, а весь остальной внешний мир закрыт.

Мастер Андреас ответил:

– Ты веришь в любовь, друг мой! Любовь – это плоть. Пойди к мяснику и увидишь любовь, распластанную, разрубленную на куски.

– Ты, однако, охотно проводишь время с женщинами, как я заметил.

– Столь же охотно провожу я время в лесу среди деревьев и цветов. Они себе красуются, не мешая моим думам.

– Дай мне жить моими мечтами и сохранять верность жене.

– Мужу красивой и молодой жены не с чего быть вероломным. Любовь прежде всего – страстное влечение к юности и красоте. Не говори о любви там, где нет юности и красоты, иначе ты окажешься лгуном. Правда, встречается нежная и неизменная преданность, которая и в седой старости озаряет своим вечерним сиянием двух супругов, но это уже нечто другое, куда более высокое, нежели любовь. Это – цветок, а любовь – только семя, быстро плесневеющее и гнивающее в рыхлой, нечистой земле. Дотрагиваясь до семян, берегись запачкать перчатки. Знаешь что? Желая испытать человека, я завожу с ним, как вот сейчас с тобою, разговор о любви. Если новый знакомец, не слушая, смотрит перед собой в пространство, то я знаю, что имею дело с действительно хорошим человеком. Если же он, наоборот, начинает подмигивать и шептаться, то я знаю, что ему не следует доверять. Такой человек может оказаться опасным наушником на службе, плохим семьянином и предателем в кругу друзей.

– Но ведь я, а не ты, мастер, заговорил о любви.

– Да, но я навел тебя на этот разговор и теперь взвешиваю тебя. Ты весь ушел в свою любовь. Это показывает, что ты человек не вредный, но не создан для великих дел, – иначе тебя стала бы мучить такая задержка и помеха на пути!

– Мастер Андреас, перестань хулить чувство, которое для меня – все.

– Все, говоришь ты. Значит, у тебя ничего не остается, если чувство это догорит и обратится в пепел. А рано или поздно это должно случиться. Я привык иметь дело с формами, линиями и циркулем, и я знаю, что такое любовь. Это – овал колена. Это – полушарие груди. Об это полушарие певец с отчаяния ударяется лбом, и лира его звучит. Это и смешно и в то же время раздирает сердце. Ужасен тот день, когда эта пышная округлость начинает ссыхаться и не совпадает больше с моим циркулем. Здоровье и красота стремятся к размножению на благо и процветание человечества. Что было бы хорошего, если бы дряблость и бесформенность, плоская грудь и багровое лицо зажигали тоже страстное желание? Но, говоря о любви, люди лгут себе и другим из страха и трусости, и я сам разделяю их ужас и бегу любви, как великого несчастья.

– Ты рассуждаешь, как монах.

– Я поступаю так, потому что монахи правы. Но подожди. Мы еще успеем поговорить об этом.

Мастер Андреас встал и оглядел посетителей, наполнявших погребок. На нем была темная и простая одежда, и он имел привычку по временам сжимать рукою железный циркуль, засунутый за пояс.

– Кнехты, музыканты, ремесленники! – начал он. – Вы слышали наш разговор, и вот что я хочу сказать вам. Полно вам распевать непотребные песни и гоняться за женщинами, ибо недалеко то время, когда мы повалимся на скамью, разбитые и умирающие, раскаиваясь, что не сумели получше использовать свою жизнь. Я ненавижу чувственную любовь, так как она

является нам вечной помехой в делах и лишает нас власти над самими собой и нашими поступками. Я сам женат, но оставил жену и детей дома, и если среди вас найдутся честные сердца, то ударим по рукам и заключим свободный и безымянный союз для сохранения чистоты душевной и телесной в честь и славу самим себе.

Кое-кто из завсегдатаев погребка только захохотал и загорланил в ответ, но большинство отодвинули в сторону кружки и кувшины и окружили Андреаса.

– Ты боишься, – заговорили они, – что суетные мысли помешают твоей работе над задуманной скульптурой, которая обещает быть великолепной. Да будет благословен тот день, когда нам доведется поклониться ей в нашем храме. Что бишь должна она изображать? Говорят, святого Георгия Победоносца, избавляющего царевну от дракона? Избавление девственно-прекрасного шведского королевства от когтей чужеземных разбойников!

– Так думает Стуре, друзья мои, но я могу творить только по своему замыслу.

Бенгт Гаке вскочил с места, обнял мастера Андреаса и поцеловал в обе щеки.

– При свете фонарей все вы говорите льстивые речи, – сказал он, – но мне плохо верится в чистоту ваших сердец, когда вы в потемках. Другое дело мастер Андреас: он весь проникнут волей и силой, потому и произведение его должно выйти могучим. И все мы должны дружно охранять его покой. Его дружба будет для меня святыней до последнего часа моей жизни. Давайте ему свои лживые обеты целомудрия. У меня есть для него дружеский дар получше, который скрепит мою веру в него. Я дам ему лучшее свое достояние в мире. Метта, хозяйка моя, будет стоять перед ним, когда он приступит к изображению девы, дабы оно превзошло красотой все, что он создал до сих пор во время своих долгих странствий...

И все принялись восхвалять Бенгта Гаке за его дружеский обет и пожимать руки мастеру Андреасу. Вслед за тем колокола зазвонили к вечерне и все разошлись.

Двор Бенгта Гаке был расположен на острове Чепплинг, и мастер Андреас устроил свою мастерскую в одном из пустых лодочных сараев на берегу, у самой воды.

Через слуховое окошко к нему влетали осы и пчелы, а когда он стоял наверху лестницы, работая над верхнею частью изображения, которое резал из цельного дубового обрубка, то видел мачты кораблей и позеленевшие медные крыши замка. За сараем, подальше на берегу, расположен был двор Бенгта, обнесенный четырехугольником жилых строений. Ни кустов, ни деревьев там не росло, зато трава была такая густая и высокая и так усеяна желтыми и белыми цветами, что Андреас прозвал двор «Возвращенным раем».

Каждое утро Бенгт Гаке, сидя на галерейке, разучивал марши и танцы, нередко прерывая игру, чтобы откинуть с лица прядь белокурых волос. Часто раздавался и голос Метты. Когда ей нужно было позвать кого-нибудь из слуг, она никогда не утруждала себя поисками, а сразу принималась кричать во весь голос с того места, где была. И даже стоя перед мастером Андреасом как образец для фигуры царевны – коленопреклоненная, с мантией на плечах, с молитвенно сложенными руками – она нет-нет да громко окликала кого-нибудь из своей челяди. Это очень забавляло зрителей, которые всегда толпились в дверях сарая, интересуясь работой, а может быть, просто пользуясь случаем полюбоваться на хозяйку Метту. Приходили подчас и очень знатные господа, и всем им мастер Андреас говорил, что сам никогда не устает любоваться Меттой, каждый день открывает в ней все новые прелести. Она была и в самом деле вечно новая. То вдруг увлечется каким-нибудь блюдом, и целую неделю в доме не подается ничего другого, пока блюдо вдруг, так же неожиданно, не исчезнет из обихода навсегда. То по целым дням не расстается с мужем и распевает под его игру или вместе с ним слагает песни о любви, отрадном приюте сердец. А то никакие мольбы не могут заставить ее издать хоть единый звук. То она готова часами стоять на коленях, изображая царевну и утверждая, что ничего не может быть веселее, то вдруг примется прыгать и плясать, как расшалившееся дитя, для которого несноснее всего стоять или сидеть смирно. И за что бы она ни принималась, всему отдавалась

с одинаковым жаром и с пылающими щеками. Но бывало и так, что она бросалась ничком на траву и заявляла, что ей жизнь немила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.